

Апостольское пониманіе богослужебнаго чина.

„Вся же благообразно и по чину да бывают“ (1 К. XIV, 40).

Въ этихъ словахъ впервые въ Новомъ Завѣтѣ выступаетъ на арену церковной жизни богослужебный чинъ, какъ регулирующее начало христіанскаго богослуженія. Правда, предписывая совершать богослуженіе по чину (*κατα—τάξιν*) апостоль употребляетъ это понятіе въ смыслъ, еще не опредѣлившимся для христіанскаго сознанія. Но это такъ естественно для юнаго христіанства: въ то время когда самое содержаніе христіанскаго богослуженія находилось въ первой фазѣ своего развитія, могъ-ли богослужебный чинъ имѣть свою опредѣленную фізіономію. Съ этой именно стороны и интересно выяснить, чѣмъ именно онъ былъ въ своемъ первообразованіи. Свое требованіе апостоль предъявляетъ богослужебному собранію. Значитъ, богослужебный чинъ, хотя бы и естественно или же по личнымъ указаніямъ апостола сложившійся, былъ уже въ дѣйствиіи. Однако, слова апостола не теряютъ отъ этого своего глубочайшаго значенія. Прежде всего и самый установившійся порядокъ богослуженія въ словахъ апостола получаетъ свою устойчивую опредѣленность, по скольку апостоль защищаетъ его, какъ чинъ противъ безчинія. Далѣе Апостоль не только утверждаетъ обычное но и дѣлаетъ свои указанія примѣнительно къ особымъ явленіямъ христіанской жизни, и потому представляется небезынтереснымъ выяснить, силою котораго принципа апостоль подчиняетъ христіанское богослуженіе опредѣленному порядку. Наконецъ, въ вышеприведенныхъ словахъ богослужебный чинъ получилъ апостольскую санк-

цію, чѣмъ обезпечено его дальнѣйшее существованіе, вѣчное, какъ сама апостольская Церковь. Съ этой стороны необходимо выяснитъ, какія неизмѣняемыя основы этого чина съ характеромъ необходимости предносились сознанию апостола, когда онъ завѣщаль коринѣской церкви подчинять опредѣленному чину „вся“, т. е. все христіанское богослуженіе въ полномъ его объемѣ. Когда богослужебный чинъ обрисуется предъ нами съ намѣченныхъ сторонъ, тогда вполне опредѣлится и его понятіе.

Диррективъ апостола: „вся благообразно и по чину да бывають“ служить какъ бы эпилогомъ къ сужденіямъ апостола о богослуженіи, изложеннымъ въ 1 Кор. съ XI по XIV г. включительно; поэтому и свое полное освѣщеніе онъ получаетъ лишь при привлеченіи къ дѣлу сужденій изъ этой области. Такъ намѣчаются естественныя границы изслѣдованію даннаго вопроса, къ чему мы теперь и приступаемъ.

— „Въ васъ самѣхъ судите, лѣполи есть женѣ откровеннѣй Богу молитися“,—вопрошаетъ апостоль коринѣскихъ христіанъ послѣ ряда аргументовъ въ пользу противнаго положенія, и присоединяя еще одинъ аргументъ, такъ заключаетъ свою рѣчь: „аще ли кто мнится спорливѣ быти, мы таковаго обычая не имамы, ниже Церкви Божія“. Вотъ слова, характерно подчеркивающія отношеніе апостола свободы къ тому, что составляетъ одну изъ мелкихъ условныхъ подробностей человѣческаго быта, поскольку тотъ съ своимъ содержаніемъ вступаетъ въ сферу христіанскаго богослуженія. Въ томъ, что не имѣетъ существеннаго значенія для христіанскаго богослуженія, апостоль является ревностнымъ хранителемъ существующаго обычая. Женщина съ покрытою головою—явленіе повседневное, привычное и, повидимому, безразличное къ вопросамъ богослужебнаго характера. Но, вотъ, она появляется въ собраніи молящихся съ непокрытою головою и становится объектомъ апостольскаго вниманія. Непривычное явленіе квалифицируется, какъ личное безстыдство и церковное неприличіе, или, что тоже,—церковное безчинство. Почему? Апостоль отвѣчаетъ рядомъ аподиктическихъ сужденій. Богъ—глава Христу, Который былъ „послушливъ Ему до смерти крестныя“.

Христосъ—глава мужу, который также долженъ исполнять Христову волю. Мужъ—глава женѣ, которая въ томъ-же смыслѣ должна быть исполнительницею его воли. Однако, въ какомъ отношеніи это утвержденіе стоитъ къ головному платку?—„Не мужъ созданъ для жены, но жена для мужа“. силою чего она не должна властвовать надъ своимъ мужемъ (1 К. XI, 9 ср. 1 Т. 2, 12): „сега ради должна есть жена власть имѣти на главѣ“ (1 К. XI, 10). Такъ головное покрывало обращается въ знакъ подчиненія жены мужу и въ этомъ смыслѣ перестаетъ быть безразличнымъ для вопросовъ богослужебной дисциплины. Далѣе, приведенный аргументъ варьируется слѣдующимъ образомъ. Жена—слава мужа и потому, откровенная предъ нимъ она должна покрывать свою главу, появляясь въ молитвенномъ собраніи христіанъ, скрывая тѣмъ самымъ сіяніе своей красоты и обнаруживая стыдливое цѣломудріе (Ср. 1 Т. 2, 9). Женѣ также естественно растить волосы, какъ мужчинѣ—стричь ихъ; поэтому она должна покрывать свою голову, которую сама природа покрываетъ длинными волосами. Здѣсь обычай женщины растить волосы, теряющійся въ далекомъ до-историческомъ прошломъ, названъ природою, а обычай покрывать голову защищается, какъ вполнѣ логичное дополненіе къ нему. Вы можете не соглашаться съ апостоломъ и поставить ему цѣлый рядъ возраженій. Возможность этого предвидитъ самъ апостолъ. Однако, что-бы Вы не говорили въ опроверженіе его аргументовъ, все это, какъ волны о скалу, разобьется о заключительное ея сужденіе: „А если бы, кто захотѣлъ спорить, то мы не имѣемъ такого обычая, ни церкви Божіи“. Такъ апостолъ обезоруживаетъ своихъ совопросниковъ, утверждаясь на обычай какъ на непоколебимомъ основаніи. Поступать по чину въ этомъ смыслѣ означаетъ: присутствуя за христіанскимъ богослуженіемъ, наблюдать прежде всего чинъ естественно сложившейся жизни, по сколько она запечатлѣна ясными слѣдами религіозной думы въ положительномъ смыслѣ этого слова.

Аргументація апостола важна въ слѣдующемъ отношеніи: предписаніе хранить общеизвѣстный обычай обращается въ требованіе богослужебной дисциплины, получая религіозное освѣщеніе и входя въ составъ христіанскаго богослуженія.

какъ одинъ изъ его необходимыхъ моментовъ. Жизнь есть непрестанное богослуженіе (Д. XVII, 28). А потому и христіанское богослуженіе не начало, а кульминаціонный пунктъ этого богослуженія, моменты наивысшаго напряженія религіознаго чувства. Чтобы подняться на вершину, нуженъ постепенный подъемъ, и онъ начинается съ религіозной дисциплины, обнимающей всю жизнь человѣка, обращающей ее въ непрестанное хожденіе предъ лицомъ Живаго Бога, какъ бы въ чувствѣ постоянного осязанія Его, видѣнія одесную себя силы Его. Въ этомъ именно смыслѣ получаетъ свою ясность строгое требованіе, предъявленное апостоломъ свободы къ женщинамъ христіанкамъ соблюдать обычай покрытія головы, какъ непрерывное памятованіе о Богѣ и Его волѣ.—Столь живая связь символа съ опредѣленнымъ движеніемъ человѣческой души, установленная апостоломъ Павломъ, всегда предполагается въ христіанскомъ богослуженіи, которое и донынь не думаетъ костенѣть и умирать, если означенная связь между богослуженіемъ и жизнью не разрывается. Съ этой стороны требованіе апостола можетъ быть разсматриваемо, какъ прототипъ тѣхъ главъ Типикона и разсѣянныхъ по нему отдѣльныхъ замѣчаній, которые предъявляютъ къ молящимся опредѣленные требованія богослужебной дисциплины и при томъ не только въ моментъ присутствія ихъ въ храмѣ, но и внѣ его, въ повседневной жизни.

Но, быть можетъ, апостольское требованіе—явленіе случайной мысли, не имѣющее существеннаго значенія? Нѣтъ: тотъ, кто былъ возносимъ до третьяго неба и слышалъ ангельскіе глаголы; кто, самъ харизматикъ въ высшей степени, обращался къ коринескимъ харизматикамъ, счастливо одареннымъ отъ Св. Духа; тотъ, вниманіе котораго было поглощено организаціей богослуженія первенствующихъ христіанъ и, главнымъ образомъ, преданнаго чина Евхаристіи въ его истинномъ смыслѣ и значеніи, не могъ случайно удѣлять заботливое вниманіе платку на головѣ молящейся женщины и говорить о необходимости его для христіанской молитвы. И это тѣмъ болѣе, что апостольская христіанская свобода не могла быть мелочнымъ въ вопросахъ, относящихся къ внѣшне-обрядовой сторонѣ человѣческаго быта. Несомнѣнно,

взглядъ апостола вытекалъ изъ глубокаго религіознаго пониманія жизни.

Пусть мы развиваемся самодѣтельно. Но мы изживаемъ энергію, возгрѣваемую силою Бога и развиваемся по Божьему плану. Въ этомъ смыслѣ мы Богомъ живемъ, движемся и существуемъ (Д. XVII, 28). А если такъ, то нѣтъ явленія жизни, безразличнаго въ религіозномъ отношеніи, какъ нѣтъ и самой жизни внѣ Бога даже тамъ, гдѣ она есть жизнь противъ Бога. Въ природѣ человѣка лежитъ божественный законъ жизни, и, слѣдуя ему, язычники могутъ естествомъ законное творить. Они свободны игнорировать этотъ законъ и тогда, получая возмездіе въ разстроенной такимъ образомъ жизни, они служатъ доказательствомъ отъ противнаго религіознаго смысла человѣческой жизни. Жизнь, такимъ образомъ, есть непрерывное богообщеніе или, что тоже, непрерывное богослуженіе: каждое явленіе человѣческой жизни запечатлѣно религіозной думой, такъ какъ въ каждомъ явленіи просвѣчивается мысль Бога о своемъ созданіи или мысль человѣка о Богѣ и данныхъ Имъ законахъ жизни. Здѣсь-то и получается свое объясненіе та настойчивость, съ которою апостоль защищаютъ общечеловѣчскій обычай женщинъ покрывать свою голову: это — символизированная мысль Бога о женщинѣ, опредѣлившая разъ на всегда: „къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобою“ (Быт. III, 16),—и вмѣстѣ съ тѣмъ символизированное послушаніе женщины уставамъ Божества.

Если не безразличны въ религіозномъ отношеніи мелочи житейскаго быта, то тѣмъ большую цѣнность съ этой точки зрѣнія должны имѣть при извѣстныхъ условіяхъ богослужебные обряды. Въ Аѳинскомъ ареопагѣ стоялъ жертвенникъ невѣдомому Богу. Душа язычника, переживая свои заблужденія, запечатлѣла здѣсь свою тоску по Томъ, Кого любила, искала и все же не нашла. Откровеніе устами апостола Павла указало Любимаго въ Иисусѣ Христѣ. Невѣдомый получилъ свое воплощеніе. Тотъ, кто искренне служилъ передъ названнымъ жертвенникомъ, послѣдовалъ за Христомъ вѣрою. Его религіозная жизнь получила объективную опредѣленность, а жертвенникъ неопредѣленнаго назначенія получилъ новый положительный смыслъ: стать евхаристійной транс-

зой. Тѣ же, кто не послѣдоваль за Христомъ, остались при неопредѣленности своего положенія, продолжая воскурять на жертвенникъ невѣдомому Богу ѳиміамъ, который могъ принимать въ пренебесный свой жертвенникъ лишь Христосъ, не опредѣлившійся для языческаго самосознанія Своихъ невольныхъ поклонниковъ. Одна и та-же субъективная правда религіозной жизни, ассоціируясь съ однимъ и тѣмъ же символомъ, однихъ привела ко Христу, а другихъ оставила на пути къ Нему. Однако, и для послѣднихъ означенный символъ не потерялъ своего объективнаго значенія: онъ былъ тѣнью истины, обращающей пытлиное сердце язычника къ Тому, Кто бросалъ эту тѣнь. Такъ у апостола Павла и мелочи житейскаго быта и языческіе символы обращались въ іероглифы религіозной правды, получившей свое законченное воплощеніе въ Иисусъ Христъ. Читая ихъ апостолъ почерпалъ изъ общечеловѣческой сокровищницы познаніе о томъ, на сколько человѣчество чревоноситъ Христа въ мукахъ естественнаго богопознанія, на сколько оно подошло своими путями къ Богу и Христу Его. Задача его—не насиловать этотъ процессъ, но содѣйствовать ему всѣми данными божественнаго Откровенія. Пусть язычники поклоняются забытому и невѣдомому Богу, пусть тѣнь субъективнаго извращенія падаетъ на солнце религіозной истины. Но все же язычники служатъ Богу и въ символахъ своей религіи выражаютъ свое богообщеніе. Процессъ этого богообщенія имѣетъ свою психологическую правду, неизмѣняемую отъ перехода изъ одной религіи въ другую, а потому и символы, выражающіе этотъ процессъ, получаютъ объективную независимую цѣнность. Здѣсь открывается широкій путь усвоенія христіанствомъ плодовъ не-христіанской культуры и новому творчеству естественныхъ силъ въ области религіозной символики примѣнительно къ христіанскимъ понятіямъ. Въ этомъ именно направленіи апостолъ Павелъ и полагалъ начало богослужебнаго чина, ревнуя о благочестивыхъ обычаяхъ народной старины. Этимъ путемъ шла богослужебная символика въ своемъ позднѣйшемъ историческомъ развитіи. На этотъ самый путь вступилъ и блаженной памяти апостолъ Японіи, архіепископъ Николай, когда въѣдряя среди новопрещенныхъ, христіанское богослуженіе дѣлалъ исключенія изъ

устава въ пользу самобытныхъ обычаевъ, благословляя, напримеръ, сидѣть во время богослуженія на коврахъ, поджавши ноги. Итакъ, поступать по чину, присутствуя за христіанскимъ богослуженіемъ, это прежде всего означаетъ пребывать въ чинѣ естественно сложившейся жизни, по скольку она запечатлѣна ясными слѣдами религіозной думы въ положительномъ смыслѣ этого слова.

Чиносообразность въ изложенномъ смыслѣ слова не имѣетъ еще ни одной черты собственно-христіанскаго богослуженія. Здѣсь богослуженіе не обособляется еще отъ самой жизни, религіозно осмысленной, и понятіе богослужебнаго чина почти совпадаетъ съ понятіемъ привычнаго порядка. Правда, требованіе апостола обратило обще-церковный обычай того времени въ требованіе богослужебной дисциплины и съ этого времени „поступать по чину“ для женщинъ означало: входить въ мѣсто богослужебнаго собранія съ покрытой головой. Однако самый обычай по формѣ и содержанію своему принадлежалъ до христіанскому сознанію. Здѣсь такимъ образомъ, богослужебный чинъ представленъ въ процессѣ естественнаго образованія своихъ символовъ, безъ чего онъ не могъ обойтись на всемъ пути своего историческаго развитія. Теперь мы переходимъ къ чисто христіанской сторонѣ богослужебнаго чина, отмѣченной слѣдующими словами апостола: „хвалю васъ, братья, что вы всё моё помните и держите преданія такъ какъ (*καθώς*) я передалъ вамъ“ (Ік. II, 2). Поступать по чину въ этомъ смыслѣ слова означаетъ: дѣйствовать въ точномъ соотвѣтствіи съ апостольскимъ преданіемъ, не извращая его личными кривотолками (*καθώς*). Противленіе въ этомъ направленіи клеймится, какъ безчинство (203, 6). Примѣнительно къ богослуженію это означаетъ: соблюдать неизмѣннымъ преданный чинъ святѣйшей евхаристіи, такъ какъ свое сообщеніе объ этомъ таинствѣ апостоль называетъ преданіемъ: „Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше, приемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: примите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери глаголя: сія чаша новыи завѣтъ есть въ моеи крови: сіе творите, елижды аще пиете, въ мое воспоминаніе

Ближды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію пиете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже придетъ“ (Ік. XI, 23—26). Въ этихъ словахъ названо вещество для таинства: хлѣбъ и вино и указанъ рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій надъ этимъ веществомъ: принятіе вскисшаго хлѣба, артоса, или, что тоже, приготовленіе евхаристійнаго агнца; благодареніе, или евхаристія въ собственномъ смыслѣ этого слова, произнесеніе словъ установленія таинства и, наконецъ, самое причащеніе въ размышленіяхъ о страданіяхъ Спасителя міра и въ чувствѣ ожиданія Его втораго пришествія. Въ приведенныхъ словахъ апостола пропущенъ моментъ, предваряющій причащеніе,—благословеніе, силою котораго хлѣбъ и вино пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христову, такъ какъ апостоль уже упоминалъ о немъ въ предыдущей главѣ когда вопрошалъ: „чаша благословеніе, юже благословляемъ, не общеніе ли Крове Христовы есть; хлѣбъ, егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?“ (Ік. X, 16). Несомнѣнно, коринѳяне въ точности исполняли чинъ евхаристіи, преданный имъ отъ апостола именемъ Самого Господа, такъ какъ самимъ апостоломъ засвидѣтельствована ихъ вѣрность его преданіямъ. Но одна объективная точность обезсмысливаетъ богослуженіе, если самая жизнь водится въ это время сторонними побужденіями. Въ такомъ случаѣ то самое, что бываетъ по чину въ объективномъ смыслѣ этого слова, является возмутительнымъ безчинствомъ въ смыслѣ субъективномъ. Такъ именно случилось у коринѳянъ. Вѣрующіе сходились въ домъ молитвы со своими приношеніями, устроая, такимъ образомъ, проскомидію. Нѣкоторые изъ нихъ, предваряя общее собраніе и не ожидая евхаристійнаго освященія трапезы, наѣдались и уживались, обнаруживая господствующую въ нихъ похоть плоти, что бросало густую тѣнь помраченія на ихъ умъ и сердце и производило разрушительное разстройство въ самомъ организмѣ. Чтобы восполнить односторонность понятія о богослуженіи и прекратить роковое безчинство, апостоль предписываетъ причастникамъ Тѣла и Крови Христовыхъ строгую дисциплину самоиспытанія, которой суждено было сыграть огромную роль въ исторіи христіанскаго богослуженія: „Да испытываетъ же себя человекъ,—говоритъ апостоль и такимъ образомъ пусть ѣсть отъ хлѣба

сего и пьеть изъ чаши сей. Ибо кто ѣсть и пьеть недостойно, тотъ ѣсть и пьеть осужденіе себѣ, не разсуждая о Тѣлѣ Господнемъ“. (1к. XI, 29).

Самоиспытаніе (*εαυτοὺς δοκιμάζετε*) процессъ самокритики съ точки зрѣнія опредѣленно установившагося положенія, не допускающаго и тѣни сомнѣній и колебаній (Р. XIV, 22). Это центростремительное тяготѣніе души къ Богу своему, обнимающее всѣ ея силы. Отраженіемъ этого процесса въ мышленія служатъ дифференцирующія сужденія, избирающія предпочтительное съ точки зрѣнія божественной воли (Р. 2, 18 Ср. 12, 2). Сердце въ этомъ случаѣ свободно влечется къ Богу, увлекаая за собой и волю на богоугодную дѣятельность (1 Θ. 2, 4; V, 21; Гал. VI, 2; Еф. V, 10). Происходитъ постоянная провѣрка: „въ вѣрѣ-ли мы“ (2 К. 13, 5). Божественная норма служитъ постояннымъ объектомъ религіознаго вниманія, сообщая вѣрующему по Своему животворному свойству (1 К. 1, 18) силу жить и нормально развиваться (Р. 1, 28), преображаясь въ новаго человѣка (Р. 12, 2), при чемъ такъ преображенная жизнь получаетъ соотвѣтствующее эстетически прекрасное воплощеніе (1 Θ. V, 21). Вотъ какія требованія не только литургическаго, но и эстетическаго характера предъявлены были апостоломъ къ евхаристійной трапезѣ. Вотъ въ какомъ настроеніи и поведеніи надлежало коринвянамъ причащаться Тѣла и Крови Христовыхъ. Чтеніе Священнаго Писанія, воспоминанія о Христѣ и Его домостроительствѣ и постоянная самокритика, испытаніе своей совѣсти, соединенное съ разсужденіемъ о тѣлѣ Господа и съ утонченно-деликатнымъ, одухотвореннымъ или, что—то же, благоговѣйнымъ отношеніемъ къ матеріальной сторонѣ таинства—вотъ что должно было готовить вѣрныхъ къ евхаристіи, обращая ее въ актъ сознательнаго и реальнаго богообщенія.

Такъ строго и опредѣленно подчеркнутый апостоломъ принципъ самоиспытанія въ дополненіе къ несложному чину евхаристіи, опредѣлившемуся въ своихъ существенныхъ и неизмѣняемыхъ моментахъ, обезпечилъ будущность развитію христіанскаго богослуженія. Ибо чѣмъ въ сущности оно является въ своемъ историческомъ развитіи со стороны содержанія, какъ не постепеннымъ накопленіемъ религіознаго

творчества самоиспытующей совѣсти, которая то плачетъ, то восторженно ликуетъ, то размышляетъ о вещахъ божественныхъ въ неизмѣнномъ намѣреніи быть причастникомъ Христовыхъ Таинствъ? Это было особенно очевидно въ тѣ времена, когда евхаристія увѣчивала непрерывное всеобщее бдѣніе, которое служило, такимъ образомъ, какъ-бы распостраненнымъ правиломъ къ святому Причащенію. Это находить свое теоретическое подтвержденіе и въ наши дни въ печатаемомъ Святейшимъ Синодомъ при Служебникѣ. Учительномъ Извѣстїи, гдѣ сумма разрозненныхъ по времени дня церковныхъ службъ названа правиломъ ко Св. Причащенію и гдѣ дисциплина самоиспытанія совѣсти предписываетъ неизмѣнно пребывать въ настроеніи евхаристійнаго момента, непрерывно размышляя о страстяхъ Христовыхъ за каждую изъ церковныхъ службъ.

Въ приведенныхъ словахъ апостола намѣчены всѣ части современной литургїи: проскомидія, не получившая еще литургическаго смысла; богослуженіе до евхаристійнаго канона, которое съ теченіемъ времени развилось въ цѣлую серію религиозныхъ службъ, какъ логическое слѣдствіе изъ категорически предьявленнаго апостоломъ принципа самоиспытанія, предваряющаго причащеніе; евхаристійный канонъ, выраженный апостоломъ въ существенныхъ и неизмѣняемыхъ моментахъ, и, наконецъ, самое причащеніе. Но особенно характернымъ въ этихъ словахъ для понятія о богослужебномъ чинѣ является то обстоятельство, что въ этомъ чинѣ мыслятся неразрывно и необходимо связанными двѣ стороны: объективная, внѣшне-обрядовая—символическая, въ рядѣ послѣдовательныхъ моментовъ и субъективная въ рядѣ душевныхъ движеній, религиозныхъ самовозбужденій, сообщающихъ богослуженію жизнь и дыханіе, тепло и любовь.

До сихъ поръ апостолъ выступалъ въ роли авторитетнаго защитника обычнаго въ христіанскомъ богослуженіи. Выше же мы говорили, что онъ предьявлялъ и собственныя требованія, тѣмъ болѣе характерныя, что они относились къ коринѣскимъ харизматикамъ, повидимому, не нуждающимся въ регулирующемъ началѣ. Чтобы выяснить для себя значеніе этихъ требованій, поставимъ себя въ исключительную обстановку христіанскаго богослуженія при участіи коринѣ-

скихъ харизматиковъ. Предъ нами соборъ молящихся, гдѣ евхаристійная молитва (1 К. 14, 17) импровизируется воодушевленными отъ Св. Духа пророками и глоссолалами. Пылкія рѣчи пророковъ, то открывающія грядущее, то ревнивою по Богу любовью прозирающія въ сердечныя намѣренія присутствующихъ, смѣнялись восторженными, невосприимаемыми обычнымъ пониманіемъ реченіями глоссолаловъ, которые были восхищены Св. Духомъ въ необъятную высь пневматической жизни и, захваченные здѣсь восторгомъ новыхъ и совершенно оригинальныхъ воспріятій, бесплодно пытались выразить неизреченное, и на смѣну имъ поднимались спокойные истолкователи, переводя новый языкъ Духа на привычный языкъ слуха. И этой чудной молитвѣ неповторяемаго историческаго момента спокойно внимали простецы, чтобы обнявъ своимъ вѣрующимъ сердцемъ слово практической мудрости и объективнаго значенія христіанскихъ истинъ, выразить свое единомысліе единодушнотой формулой: аминь. Казалось бы, зачѣмъ писать уставъ такому собранію, гдѣ богослуженіе совершалось какъ бы Самимъ Духомъ Святымъ?! Однако, онъ понадобился, и апостольская власть предъявила этому собранію категоричное требованіе: „вся же благообразно и по чину да бывають“, опредѣленно указавъ и на происходившее безчиніе. Такъ, на примѣръ, восторги глоссолаловъ не всегда находили истолкователей и были для общаго собранія мѣдью звенящею, кимваломъ бряцающимъ, звукомъ безъ опредѣленнаго смысла. Апостоль не знаетъ непонимаемыхъ церковью символовъ, хотя бы они были непосредственно ясны говорящему и назидали его, открывая ему тайны (14, 4); поэтому онъ категорично запрещаетъ: „если не будетъ истолкователя, то молчи въ Церкви, а говори себѣ и Богу (28). Такимъ образомъ чинъ богослуженія долженъ служить цѣлямъ общецерковнаго сознанія, а не быть выраженіемъ личныхъ неподдающихся опредѣленію переживаній: „въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ, чтобы и другихъ наставить, нежели тьму словъ на незнакомомъ языкѣ“. (19). Любовь, поглощающая эгоизмъ, должна подчинить все личное, индивидуальное—церковному. Пусть глоссолалъ въ своей пневматической восторженности стоитъ предъ Богомъ и пости-

гаеть тайны. Но если онъ не думаетъ приобщать къ своей радости всю Церковь, и она безмолвствуетъ не понимая его, зачѣмъ ему фигурировать съ даромъ необычнаго говоренія? Вѣдь безъ любви онъ—мѣдь звенящая, ничто! Вотъ апостольская заповѣдь христіанскому богослуженію: въ немъ все должно быть ясно и общепонятно, все должно назидать, увѣщать и утѣшать, а не стоять неразгаданнымъ сфинксомъ предъ лицомъ церковнаго собранія. Этимъ путемъ до сихъ поръ шла греко-восточная Православная Церковь, дозволяя, въ противоположность римскому католицизму, каждому народу воспѣвать въ Церкви Господа на своемъ родномъ языкѣ. Такъ поступили Кириллъ и Меѳодій съ нашими предками. Такъ поступали мы съ увѣровавшими японцами. Этотъ же принципъ долженъ остаться въ силѣ и въ томъ случаѣ, если языкъ каждаго народа, подчиняясь законамъ эволюціи, настолько убѣжитъ отъ своего корня, что потеряетъ свой первоначальный смыслъ и обратится въ языкъ коринескихъ глоссолатовъ по своей неудобовразумительности. Правда церковное воспитаніе и жизнь на строго церковныхъ началахъ могла бы превратить богослужебные символы въ знакомыя ноты, по которымъ религіозно настроенная душа свободно и легко воспѣвала бы мелодіи своей любви къ Богу и Его правдѣ. Однако, печальная дѣйствительность побуждаетъ поставить на разрѣшеніе слѣдующую диллему: что легче: научить современное свѣтское общество древнеславянскому языку или этотъ языкъ приблизить къ господствующей въ современномъ обществѣ литературной рѣчи.

Указавъ на безпорядокъ богослуженія со стороны содержания, апостоль обратилъ вниманіе и на безпорядокъ съ формальной стороны. Наблюдалось такое явленіе. Поднимались нѣсколько глоссолатовъ или пророковъ и одновременно говорили о своихъ откровеніяхъ. И если глоссолаты не были понимаемы и въ одиночку, то рѣчи пророковъ, имѣющія положительную религіозную цѣнность, теряли свое значеніе въ общемъ шумѣ. Поэтому апостоль ограничилъ число прорекающихъ за каждыиъ богослуженіемъ двумя и самое болѣе тремя, предписавъ и этимъ говорить не одновременно, а порознь. Ясное сознаніе и полная самоопредѣляемость коринескихъ харизматиковъ дѣлали это тре-

бованіе субъективно исполнимымъ. Въ объективномъ же смыслѣ оно намѣчало общую схему христіанскаго богослуженія, указывая извѣстную послѣдовательность въ выступленіяхъ активныхъ участниковъ богослуженія. вмѣстѣ съ любовью къ порядку въ интересахъ Церкви апостоль обнаружилъ и любовь къ разнообразію въ содержаніи богослужебнаго матеріала. Несмотря на видимое предпочтеніе, которое оказывалъ апостоль пророчеству предъ даромъ языковъ, и не смотря на то, что въ принципѣ онъ допускалъ возможность пророчествовать поочередно всему собранію, онъ ограничиваетъ, однако, и пророческія выступленія въ пользу глоссолатовъ, допуская и этихъ, если только имъ будутъ сопутствовать необходимые истолкователи. Разнообразіе, какъ и порядокъ, апостоль признавалъ необходимымъ въ цѣляхъ церковнаго назиданія, почему онъ привлекалъ къ участию въ богослуженіи на ряду съ пророками и глоссолатами и пневматиковъ менѣе поражающихъ дарованій. „Итакъ, что же, братія? Когда вы сходитесь, и у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе—все сіе да будетъ къ назиданію“ (26).

Въ заключеніе мы должны указать на два требованія, которымъ долженъ удовлетворять богослужебный чинъ съ апостольской точки зрѣнія: во-первыхъ, онъ долженъ быть выраженіемъ пневматическаго воодушевленія какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ своихъ исполнителяхъ и, во 2-хъ, онъ долженъ быть выраженіемъ православнаго сознанія Церкви. Для удовлетворенія перваго требованія рекомендуется всѣмъ членамъ Церкви ревновать о духовныхъ дарованіяхъ. А такъ какъ каждому дано проявленіе Духа на пользу, то это значить: не угашать Духа, пламенѣть Духомъ, или, что—тоже, возводить себя въ то состояніе религіозной напряженности, когда отъ избытка воодушевленнаго сердца заговорятъ уста во славу Бога и Христа Его. Со стороны содержанія богослужебный чинъ представляется, такимъ образомъ, постоянно обновляющимся изъ источника святаго вдохновенія. Чтобы удовлетворить второе требованіе необходимы два условія: объективный критерій религіозной истины съ апостольскимъ авторитетомъ и церковная цензура. Первый данъ въ словахъ: „никто, говорящій Духомъ Божі-

имъ, не произнесеть анаемы на Иисуса, и никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“ (12, 3). Вторая предоставлена Церкви въ словахъ: „И пророки пусть говорятъ двое и трое, а прочіе пусть разсуждаютъ“ (14, 29). У прочихъ предполагался даръ—„разсужденіе духовомъ“ (1 К. 12, 10). Таковыя, по блаженному Теодориту, разсуждали о произносимомъ, по дѣйствию-ли Духа Божія говорится это. Здѣсь мы сталкиваемся съ явленіемъ церковной цензуры чисто пневматическаго характера. Даже пророки нуждались въ провѣряющемъ началѣ, какъ не свободные отъ заблужденій по причинѣ личной ограниченности, грѣховной извращенности и возможныхъ демоническихъ внушеній. Характерно, что Самъ Духъ Святой вывелъ на сцену церковной жизни это охранительное начало, подчинивъ, однако, всѣхъ коринѣскихъ харизматиковъ апостольскому авторитету, какъ хранителю неизмѣняемаго Откровенія и послѣдному основанію въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ. Такъ рядомъ съ Богомъ учрежденною Церковью, возглавляемою невидимо Христомъ, а видимо церковной іерархіей, нѣтъ другого института болѣе высокаго значенія. Пусть члены этого института заговариваютъ ангельскими языками но если они возвѣстятъ иное въ сравненіи съ преданнымъ отъ апостоловъ—анаема. Отсюда слѣдуетъ послѣдній выводъ для богослужебнаго чина: въ немъ на ряду съ измѣняемымъ содержаніемъ религіознаго творчества должна быть неизмѣняемая основа евангельская или апостольская. Здѣсь принципиальное основаніе уставу апостольскихъ и евангельскихъ чтеній за церковными службами каждаго дня.

Мы окончили анализъ нѣкоторыхъ апостольскихъ сужденій, который уполномочиваетъ насъ на слѣдующее заключеніе по данному вопросу. Въ сознаніе христіанъ апостольскаго времени проводилось понятіе о богослужебномъ чинѣ, какъ о внѣшнемъ порядкѣ, необходимо выражающемъ внутреннее содержаніе религіозно дисциплинированной чело-вѣческой души. Богослужебный чинъ былъ призванъ для выполненія слѣдующей задачи: онъ долженъ былъ ограничить независимость въ выраженіяхъ религіозныхъ чувствъ, подчинивъ послѣднія опредѣленному ритму. Такою мѣрою упорядочивалось церковное богослуженіе и оцерковлялась

христіанская личность, спасаясь отъ индивидуалистической самозамкнутости. Въ основаніе богослужебнаго распорядка было положено два принципа: богослужебный чинъ долженъ быть назидательнымъ и разнообразнымъ. Последнее требованіе съ психологическимъ расчетомъ служило первому. Эти же требованія предъявлены богослужебному чину и со стороны содержанія, которое, кромѣ того, должно быть плодомъ вдохновенія отъ Святаго Духа. Богослужебный чинъ имѣетъ своимъ первичнымъ основаніемъ дѣйствія Іисуса Христа и указанія святыхъ апостоловъ, символика же его коренится еще въ до-христіанскомъ сознаніи. Все богослуженіе служить выраженіемъ церковнаго вѣро-сознанія, регулируемаго апостольскою властью.

Свящ. Илья Гумилевскій.
